

«Человекоцентричный» («человекоразмерный») поворот в эволюции концепции «Smart City» и участие субъектов гражданского общества в принятии политических решений

Груничев М. М.

Российский государственный социальный университет, Москва, Российская Федерация; project.edu.2024@gmail.com

РЕФЕРАТ

В работе анализируются основные причины и очертания человекоразмерного поворота в эволюции концепции умных городов, одним из характерных признаков которого выступает переход от централизованных подходов («сверху вниз») в принятии политических решений к подходам, предполагающим участие сообщества, диффузное взаимодействие и ориентацию на совместные решения, рассмотрение граждан не только как избирателей, а, скорее, как равноправных субъектов, партнеров правительства, использование потенциала которых в принятии политических решений обеспечивает эффективность и «человекоразмерность» последних. «Человекоразмерный» поворот приводит к концептуализации умных городов через такие категории, как «счастье», «благополучие», «сотрудничество», «инклюзивность». Происходит смещение акцентов от явных знаний к знаниям неявным (знаниям граждан). В то же время в работе подчеркивается существующий разрыв (и, во многом, декларативный характер целей умных городов) между идеальной человекоцентричной и «человекоразмерной» моделью умных городов и существующей реальной практикой принятия решений, на что обращают внимание исследователи. В работе делается вывод о том, что перспективным направлением в исследовании смарт-сити в рассматриваемом контексте является изучение и поиск эффективных форм участия субъектов гражданского общества в принятии решений, механизмов обеспечения инклюзивного и прозрачного участия граждан, способов достижения значимого гражданского участия и корректировки решений за счет реального «обмена» знаниями, современных моделей смарт-сити, рассматривающих участие субъектов гражданского общества как ключевую часть процесса принятия решений.

Ключевые слова: умный город, человекоцентричность, субъекты гражданского общества, город как платформа, участие, концепция «перераспределения власти», принятие политических решений

Для цитирования: Груничев М. М. «Человекоцентричный» («человекоразмерный») поворот в эволюции концепции «Smart City» и участие субъектов гражданского общества в принятии политических решений // Управленческое консультирование. 2023. № 6. С. 130–136.

“Human-Centric” (“Human-Sized”) Turn in the Evolution of the “Smart City” Concept and the Participation of Civil Society Actors in Political Decision-Making

Mikhail M. Grunichev

Russian State Social University, Moscow, Russian Federation; project.edu.2024@gmail.com

ABSTRACT

The paper analyzes the main causes and outlines of a human-sized turn in the evolution of the concept of smart cities, one of the characteristic features of which is the transition from centralized approaches (“top-down”) in political decision-making to approaches that involve community participation, diffuse interaction and orientation towards joint decisions, consideration of citizens not only as voters, but rather as equal subjects, partners of the government, the use of whose potential in making political decisions ensures the effectiveness and “human dimension” of the latter. The

“human dimension” turn leads to the conceptualization of smart cities through categories such as “happiness”, “well-being”, “collaboration”, “inclusion”. There is a shift in emphasis from explicit knowledge to the so-called. Implicit knowledge, i.e. knowledge of citizens. At the same time, the paper highlights the existing gap (and in many respects the declarative nature of the goals of smart cities) between the ideal human-centric and “human-sized” model of smart cities and the existing real decision-making practice, which the researchers pay attention to. The paper concludes that a promising direction in the study of smart city in this context is the study and search for effective forms of participation of civil society actors in decision-making, mechanisms for ensuring inclusive and transparent participation of citizens, ways to achieve meaningful civic participation and adjust decisions through real “exchange” of knowledge, modern smart city models that consider the participation of civil society actors as a key part of the decision-making process.

Keywords: smart city, human-centeredness, civil society actors, city as a platform, participation, the concept of “redistribution of power”, political decision-making

For citing: Grunichev M. M. “Human-centric” (“human-sized”) turn in the evolution of the Smart City concept and the participation of civil society actors in political decision-making // Administrative consulting. 2023. N 6. P. 130–136.

Введение

Одна из тенденций, особенно отчетливо наблюдаемая в последнее время в современном политическом дискурсе [3; 6; 9] и практической реализации стратегий развития смарт-сити, связана с так называемым антропоцентрическим («человеко-размерным», человекоцентрированным, гражданско-центрированным и др.) «поворотом».

Концепция смарт-сити, ориентированная на человека (гражданина), помещает обеспечение благополучия его жителей в центр. В Smart-city, ориентированном на человека, в центре внимания находятся граждане, именно они выступают «двигателями» изменений, активно действующими и созидающими акторами. В совместно созданной инновационной экосистеме субъекты гражданского общества взаимодействуют с государственными органами и разработчиками знаний, являются главными «двигателями изменений» и способствуют эффективному решению основных городских проблем.

Теоретические основы

Если первоначальные подходы концептуализировали смарт-сити через использование централизованных технологий для сбора информации и более эффективного управления городами, то в настоящее время мы видим появление значительной массы исследований, подчеркивающих, что город — это не механизм, а социальная структура, созданная гражданами и направленная на благополучие граждан.

В этом смысле господствовавший долгое время технократический подход к пониманию смарт-сити оказался плохо отражающим реальность. В отличие от технократического, в основе человекоцентричного, «человеко-размерного» подхода и соответствующей ему модели смарт-сити лежит «восходящее, децентрализованное и диффузное взаимодействие, ориентация на совместные и инклюзивные решения, дающие больше возможностей для вовлечения широкого спектра заинтересованных сторон, таких как НПО, публичные библиотеки и рядовые граждане, максимальная реализация потенциала знаний и навыков» [7, с. 408].

Одновременно с этим происходит смещение акцентов от явных знаний (т. е. знаний, полученных из информационных систем города) к так называемым неявным знаниям (знаниям граждан) [8].

Как следствие, подход «сверху вниз» в принятии политических решений должен быть сбалансирован с участием сообщества «снизу вверх» [10]. Важной задачей в этом контексте выступает создание соответствующей среды для роста креативного класса, поскольку интеллектуальный и социальный капитал является важнейшей основой умного города. Это позволит создать в городе открытую инновационную систему и, таким образом, перейти к многоуровневой инновационной экосистеме [14, с. 220], позволяющей субъектам гражданского общества участвовать в совместном производстве государственных услуг и политик.

Отметим в этой связи, что переосмысление социального взаимодействия в направлении создания открытых и инклюзивных моделей принятия решений представляет собой чрезвычайно сложную задачу (несравнимую по своей сложности с задачей реализации техноориентированной модели умного города).

Материалы, методология и методы

Методологической основой статьи выступает лестница гражданского участия Шерри Арнштейн. Признавая имеющийся потенциал данной концепции, в том числе, в исследовании участия субъектов гражданского общества в принятии политических решений, автор, вместе с тем, разделяет известную критику и существующие ограничения использования данной модели (которые, отчасти, преодолеваются более поздними типологиями и классификациями).

В 1969 г. Шерри Арнштейн опубликовала ставшую впоследствии известной работу, посвященную участию граждан в процессах планирования. Ее основной вывод заключался в том, что планирование представляет собой технократический, по своей сути, процесс «сверху вниз», который мало учитывает взгляды или желания граждан. Она сформулировала концептуальную лестницу, включающую в себя восемь ступеней, которые соответствуют степени «власти» граждан в определении конечного продукта. На нижних ступенях этой концептуальной лестницы мы находим формы «неучастия» («манипуляции»), направляемые и контролируемые «сверху вниз». Затем следует «символическое» участие («информирование», «консультация») как форма участия, при которой люди имеют право голоса и некоторую степень автономии, хотя они редко могут напрямую изменить статус-кво решений, которые уже приняты. Наконец, последние три ступени касаются так называемой «власти граждан», речь идет о «партнерстве», в котором граждане могут играть активную роль и участвовать в принятии политических решений.

Как уже указывалось, с момента своей публикации концептуальная лестница вызвала множество критических замечаний. В рамках этой критики исследователями отмечалось, в частности, что участие субъектов гражданского общества в процессе принятия политических решений может и не выступать желаемой целью или что приоритет должен быть отдан привлечению лишь экспертов в процесс принятия решений, а не всех граждан, не всегда обладающих необходимым опытом и знаниями. Другие ученые обращают внимание на слишком линейный и эволюционный континуум с формами участия, упорядоченными таким образом, чтобы разграничить их относительную ценность и полезность [4, с. 82].

Принимая в целом упомянутые направления критики, мы, в то же время, признаем эвристический потенциал данной концепции и ее адекватность для целей настоящего исследования.

В своем анализе автор также опирается на известную идею города как платформы (City-as-a-Platform) и создание совместных инновационных платформ, которые могут значительно различаться по организационным формам и масштабам и которые способствуют развитию городов.

Платформа возникла как метафора и видение, которое дает представление о том, каким мог бы быть умный город, если бы в его основе лежало человеческое измерение.

Парадигматические роли граждан в городском развитии могут включать в себя два вида (при размытости концептуальных границ между ними): 1) политический деятель, член сообщества или житель, который участвует в демократически организованном процессе разработки политики, планирования или управления; 2) потребитель, заказчик или пользователь, который участвует в инновационном процессе, управляемом пользователями [1].

Обсуждение

Традиционно, в городах граждане являются, прежде всего, избирателями. В умном городе, ориентированном на людей, граждане выступают также инновационными партнерами правительства.

Переход к более согласованным, открытым и ориентированным на человека «умным» городам с необходимостью требует новых стратегий управления.

Как уже отмечалось, в человекоцентричной концепции смарт-сити технологии играют важную роль, но, скорее, используются и рассматриваются как инструмент для развития и улучшения качества жизни в городе. Некоторые ученые начали исследовать умные города с этой новой точки зрения. Например, А. Лара и др. определяют основополагающий признак умных городов как постоянное способствование общему благополучию всех его членов с тем, чтобы стать лучшим местом для жизни, работы и отдыха [5].

Несмотря на то, что мы можем наблюдать растущий интерес к умным городам, ориентированным на человека, исследования и дискуссии остаются по-прежнему фрагментарными, с небольшим количеством реальной практики [12, с. 120].

Во многих умных городах «smartness» стала самоцелью, а реальные потребности горожан отодвинулись на второй план. Вместе с тем, все отчетливее звучат призывы к основанному на потребностях и ориентированному на человека дискурсу смарт-сити. Именно по этой причине совместное создание и совместное производство, вероятно, будут играть ключевую роль и, в конечном итоге, обеспечивать человекоцентричность любой инициативы умного города.

В контексте рассматриваемой проблематики важно обратить внимание на критику и сомнения в том, насколько идеалы человекоцентрированного и «человеко-размерного» подхода действительно реализуются на практике (и соответствуют ли декларируемым целям). Как подчеркивают П. Кардала и Р. Китчин [2], такие организации, как IBM и Cisco, продают свои решения для умного города как ориентированные на человека, но на самом деле такие решения представляют собой своеобразные «упражнения по ребрендингу». Таким образом, в то время как городские планы и решения могут подчеркивать важность ориентированности на человека, существует фундаментальное несоответствие между «человекоцентричностью» в заявляемых целях и установках и реальной практикой.

Авторы делают вывод о том, что нынешние инициативы умных городов (например, Дублина) оказались в ловушке неолиберальных и инструментальных условий, которые не прилагали особых усилий для достижения уровня подлинной гражданской власти.

Схема участия граждан в умных городах, предложенная исследователями, определила четыре активные роли (из четырнадцати), которые могут соответствовать инициативам таких городов. Этими четырьмя активными ролями выступают: 1) предлагающий (докладывать или советовать), 2) соавтор (вести переговоры или производить), 3) лицо, принимающее решения (решать) и 4) лидер (творить). Речь

здесь идет фактически о двух модальностях участия граждан: идеальном типе (с активными гражданами, инклюзивностью, коллективностью, подходами «снизу вверх», автономией и т. д.) и модальности, характеризующейся менее активными гражданами, подходами «сверху вниз» в принятии решений, гражданским патернализмом. В своем исследовании авторы приходят к выводу о том, что в случае с Дублином, большинство инициатив относились к последнему типу, что противоречило ориентированным на граждан представлениям об умном Дублине.

Говоря об участии «неспециалистов» в принятии решений, как правило, выделяют следующие его преимущества: повышение уровня демократии, поскольку все граждане имеют право участвовать и быть представленными в процессе принятия решений, касающихся окружающей среды; отражение в принятом решении этических аспектов проблемы; достижение большего признания через привлечение тех, кого затрагивает ситуация [11].

В контексте общественного участия роль гражданина можно разделить на две категории — политический актор и потребитель [1]. Действия политического актора соответствуют повестке дня традиционного общественного участия, поскольку включают процессы разработки политики, планирования или управления, тогда как потребитель обычно участвует в инновационном процессе, управляемом пользователями. Когда потребители умного города перемещаются по умному городу, они взаимодействуют с различными услугами, используя общественный транспорт, вызывая такси, посещая тренажерный зал или покупая еду, и оставляют, таким образом, «цифровой след». При этом они действуют как мобильные датчики, а полученные данные могут использоваться для принятия решений и предоставления более качественных услуг. В отличие от политических акторов, потребители не принимают активного участия в общественном диалоге. Их мотивация состоит в том, чтобы сообщать о своих предпочтениях и потребностях в надежде, что их цифровой след сформирует продукты и услуги, предлагаемые в умном городе. Эта обратная связь не требует усилий и может рассматриваться как пассивное участие.

Аналогичная схема применительно к городскому планированию была разработана С. Уайт. Разработанная ею эвристическая модель форм и функций участия включает в себя четыре формы, каждая из которых основана на различных основаниях: а) номинальное участие используется городскими властями для придания легитимности планам и проектам развития; б) инструментальное участие — это, прежде всего, средство для достижения заранее определенной цели, которая часто способствует более эффективному использованию общественных активов и человеческого капитала; в) представительное участие дает членам сообщества право голоса в принятии решений и реализации политики, которая их затрагивает; г) трансформационное участие приводит к расширению прав и возможностей тех, кто участвует, что, потенциально, способно привести к радикальным изменениям в жизни сообщества. Каждый способ участия является выражением некоторой базовой функции, которую мы можем назвать, соответственно, отображением, средством, голосом и способностью к изменению [13].

С. Уайт развивает концептуальную модель дальше, описывая, как «восходящие» интересы людей и сообществ и «нисходящие» интересы городского режима соотносятся со способами участия. Так, интересы «сверху вниз» стремятся к легитимации, эффективности, устойчивости или наделению полномочиями (последнее — в смысле доверенности или делегирования), в зависимости от формы участия, в то время как интересы «снизу вверх» связаны, соответственно, с включением, усилиями (альтернативными издержками), рычагами и расширением прав и возможностей. Оба они относятся к формам и функциям участия, создавая, таким образом, динамическое поле политики участия. Еще один вопрос, сформулированный С. Уайт, — и требующий дополнительных исследований, — как ценностные

установки, лежащие в основе моделей планирования сверху вниз и снизу вверх, изменили понимание идеала планирования.

Результаты

Несмотря на то что первоначальная идея «умного города» связана с технологическими достижениями, в современной научной литературе постоянно подчеркивается необходимость рассматривать «smartness» в более широком контексте.

Современный дискурс смарт-сити характеризуется человекоцентричностью, человекоразмерностью. В то же время степень, в которой человекоцентричность и человекоразмерность в действительности реализуется в практике умных городов (а не является лишь следствием использования нормативного подхода), остается неизвестной. Очевидно, решение этого вопроса требует проведения дополнительных исследований и анализа соответствующего эмпирического материала.

Участие граждан в принятии решений может варьироваться от символического, формального, номинального до инструментального и преобразующего.

Реальное участие субъектов гражданского общества в принятии решений с необходимостью связано с фактическим «перераспределением» власти. При этом различные формы и практика их участия, в конечном итоге, создают различные траектории эволюции самого гражданского общества.

Литература / References

1. Anttiroiko A. V. City-as-a-platform: The rise of participatory innovation platforms in Finnish cities. Sustainability. 2016. N 8 [Electronic source]. URL: https://www.researchgate.net/publication/308023842_City-as-a-Platform_The_Rise_of_Participatory_Innovation_Platforms_in_Finnish_Cities (accessed: 26.04.2023).
2. Cardullo P., Kitchin R. Being a citizen' in the smart city: up and down the scaffold of smart citizen participation in Dublin, Ireland // GeoJournal. 2018. P. 2.
3. Carneiro D., Amaral A., Carvalho M., Barreto L. An Anthropocentric and Enhanced Predictive Approach to Smart City Management. Smart Cities 2021. 1366–1390; Moreno Colombo Minh, Tue Nguyen Jhonny Pincay Towards Human-Centered Smart City Solutions. Conference Paper. 2020, April.
4. Carpentier N. Beyond the ladder of participation: An analytical toolkit for the critical analysis of participatory media processes // Javnost — The Public. 2016. N 23 (1). P. 70–88.
5. Lara A. P., Moreira Da Costa E., Furlani T. Z., Yigitcanlar T. Smartness that matters: towards a comprehensive and human-centred characterisation of smart cities // Journal of Open Innovation: Technology, Market, and Complexity. 2016. N 2 (1). P. 8. DOI: 10.1186/s40852-016-0034-z.
6. Luterek M. Smart Cities and Citizen Orientation: The Growing Importance of “Smart People” in Developing Modern Cities // European. Mediterranean and Middle Eastern Conference on Information Systems. 9 December 2019.
7. Mora L., Daekin M., Reid A., Smart-City Development Paths: Insights from the First Two Decades of Research, in Smart and Sustainable Planning for Cities and Regions: Results of SSPCR 2017, Bisello A., Vettorato D., Laconte P., and Costa S., eds. Springer. 2018. P. 403–427.
8. Negre C. Rosenthal-Sabroux, and Gascó M. A Knowledge-Based Conceptual Vision of the Smart City, Proceedings of the 48th Hawaii International Conference on System Sciences (HICSS-48). 2015. P. 2317–2325.
9. Oliveira Á., Campolargo M. From Smart Cities to Human Smart Cities. Computer Science. 2015. 48th Hawaii International Conference on System Sciences.
10. Smart city reference model: Assisting planners to conceptualize the building of smart city innovation ecosystems [Electronic source]. URL: https://www.researchgate.net/publication/328610664_Smart_city_reference_model_Assisting_planners_to_conceptualize_the_building_of_smart_city_innovation_ecosystems (accessed: 24.05.2023).
11. Sovacool B. What are we doing here? Analyzing fifteen years of energy scholarship and proposing a social science research agenda // Energy Research and Social Science. 2014. N 1. P. 1–29.

12. Trencher G. Towards the smart city 2.0: Empirical evidence of using smartness as a tool for tackling social challenges // Technological Forecasting and Social Change. 2019. N 142. P. 117–128.
13. White S. C. Depoliticising development: The uses and abuses of participation // Development, NGOs, and Civil Society. 1966. N 6. P. 6–15.
14. Zygiaris S. Smart City Reference Model: Assisting Planners to Conceptualize the Building of Smart City Innovation Ecosystem // Journal of the Knowledge Economy. 2011. N 2. P. 217–231.

Об авторе:

Груничев Михаил Михайлович, аспирант кафедры политологии и прикладных политических исследований Российского государственного социального университета (Москва, Российская Федерация); project.edu.2024@gmail.com

About the author:

Mikhail M. Grunichev, Postgraduate Student of the Department of Political Science and Applied Political Studies of the Russian State Social University (Moscow, Russian Federation); project.edu.2024@gmail.com